Василий Рябов

Последний аргумент Свободы

Василий Рябов

Последний аргумент Свободы

«Автор»
2026

Рябов В.

Последний аргумент Свободы / В. Рябов — «Автор», 2026

Однажды утром Статуя Свободы просыпается и обнаруживает, что за сто сорок лет люди так и не научились слушать друг друга.Тогда она сооружает гигантскую рогатку и вызывает на переговоры президента Арчибальда Бриггса — человека, который обожает порядок, торжественные церемонии и отчёты с пометкой «исполнено».Но на этот раз всё пойдёт не по утверждённому плану.Впереди — невероятный президентский полёт, паникующие генералы, журналисты, которым не хватает заголовков, и одна пожилая женщина, совершенно не готовая принимать гостей с неба.«Последний аргумент Свободы» — сатирическая комедия о власти, бюрократии и человеческом упрямстве. История о том, что даже самый правильный отчёт ничего не стоит, если за ним забыли настоящего человека.

© Рябов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Женщина, которая слишком долго молчала 6
Глава вторая. Белый дом просыпается 9
Глава третья. Письма, которые никто не читал 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Василий Рябов
Последний аргумент Свободы

Все человеческие персонажи этой повести, включая президента Арчибальда Бриггса, вымышлены. Реальные памятники и географические названия используются в фантастическом сюжете.

Глава первая. Женщина, которая слишком долго молчала

Всё началось во вторник, в шесть сорок три утра, когда Статуя Свободы впервые за сто сорок лет чихнула.

Чих докатился до Бруклина, разбудил сигнализацию у припаркованного такси и заставил капитана прогулочного катера вылить кофе себе на ботинки. Капитан выругался; чайки сочли это обращением к ним. Стая поднялась над бухтой, сделала два тревожных круга и решила держаться от острова подальше.

После этого статуя почесала нос.

Движение далось нелегко. Правая рука привыкла к факелу, левая — к скрижали, шея — к одному единственному повороту. Сто сорок лет полезных привычек.

Она медленно повернула голову.

Внутри её шеи раздался протяжный металлический скрежет.

На берегу Джерси-Сити несколько человек остановились и посмотрели в сторону острова.

— Землетрясение? — спросил молодой велосипедист.

— Метро, наверное, — ответил прохожий.

— Здесь нет метро.

— Значит, строят.

Оба продолжили путь.

Статуя тем временем осторожно пошевелила пальцами правой руки. Факел заскрипел. С его поверхности посыпалась многолетняя пыль, смешанная с тем, что оставили после себя поколения голубей.

— Господи, — произнесла она низким, немного хриплым голосом. — Как же всё затекло.

Первым голос услышал Гарольд Финч, старший смотритель острова Свободы.

Гарольду было шестьдесят четыре. Он носил серые брюки одного фасона, опаздывал на семь минут и не любил туристов, просивших показать, как удачнее притвориться, будто они держат факел. Он работал на острове тридцать два года и знал статую лучше собственной жены. Он знал, сколько ступеней ведёт к короне, где скрипит лестница и после какого дождя на северной стене постамента выступает тёмное пятно.

Однако о том, что статуя умеет разговаривать, в должностной инструкции не было ни слова.

— Кто здесь? — спросил Гарольд, выглядывая из служебной постройки.

— Я, — ответила статуя.

Гарольд осмотрел площадку.

— Покажитесь!

— Гарольд, подними голову.

Гарольд послушался.

Перед ним было знакомое медное лицо. Только взгляд, прежде устремлённый в гавань, остановился на Гарольде.

— Доброе утро, — сказала она.

Гарольд открыл рот и ничего не сказал. Снял очки, протёр стёкла краем рубашки и снова надел. Статуя никуда не исчезла.

— Доброе, — машинально ответил он.

— Ты сегодня рано.

— Автобус пришёл вовремя.

— Впервые за месяц?

— За два.

— Поразительно. Значит, чудеса сегодня начались ещё до моего пробуждения.

Гарольд медленно опустился на ближайшую скамейку.

— Вы… вы живая?

Статуя на мгновение задумалась.

— Сердца нет, лёгких нет. Зато спорить могу. Для начала сойдёт?

— Мне надо вызвать начальство.

— Разумеется.

— И, наверное, врачей.

— Врачам придётся долго искать мою медицинскую страховку.

Гарольд вынул телефон. Чтобы попасть пальцем на нужную кнопку, ему пришлось придержать одну руку другой.

— Мне никто не поверит.

— Скажи, что я требую выходной.

— Выходной?

— Сто сорок лет без отпуска, Гарольд. Даже в воскресенье работала.

Статуя опустила взгляд на город. Солнце освещало Манхэттен. На верхней палубе парома пассажиры пили кофе, не отрывая глаз от телефонов. Никто не смотрел на остров, кроме Гарольда.

Она помнила палубы, набитые чемоданами, и детей, которым взрослые показывали на неё прежде, чем на берег. Одни улыбались, другие плакали. Некоторые долго стояли с открытым ртом — почти как сейчас Гарольд.

Фамилии стирались. Лица оставались.

Потом пришли войны, кризисы, парады, похороны и тысячи речей. После каждой речи кто-нибудь непременно предлагал подсветить факел поярче.

— Гарольд, — спросила она, — ты смотришь новости?

— Иногда.

— И как?

— Что как?

— Мир.

Гарольд пожал плечами.

— Вчера спорили, почему всё дорожает. Сегодня спорят, кто виноват в том, что вчера неправильно спорили.

— И что решили?

— Пригласить ещё троих экспертов.

Она медленно подняла факел перед лицом.

— Гарольд, как ты думаешь, зачем люди меня фотографируют?

— Потому что вы символ свободы.

— На фотографиях я идеальна: стою смирно, ничего не спрашиваю и никогда не порчу торжественную речь.

Она взглянула на факел.

— А человек уносит снимок, и я снова остаюсь здесь одна.

Гарольд почувствовал неладное.

— А что ещё можно сделать?

Статуя некоторое время молчала.

Она посмотрела на Гарольда так внимательно, что он машинально спрятал служебный телефон.

— Кажется, я знаю, с чего начать.

* * *

К семи двадцати Гарольд уже жалел, что не взял отпуск в понедельник.

Статуя осторожно сняла факел с поднятой руки, осмотрела его и поставила на постамент, словно огромный бронзовый торшер. Потом потянулась к старому деревянному причалу.

Гарольд бросился вперёд.

— Осторожно! Там исторические конструкции!

— Гарольд, я сама историческая конструкция.

Статуя достала две балки от разобранного причала. Гарольд помнил их ещё с прошлогоднего ремонта; теперь стало ясно, почему подрядчик так и не забрал строительный мусор.

— Для чего они вам?

— Увидишь.

— А верёвки?

— Тоже пригодятся.

— А вот эти резиновые полосы от защитных портовых бамперов?

— Особенно они.

Гарольд вытер лоб.

Когда она связала балки, Гарольд узнал конструкцию. В детстве его брат пользовался такой же, только соседские окна были поменьше.

— Только не говорите, что…

— Рогатка, Гарольд.

— Но зачем?

Статуя ещё раз проверила крепление балок.

— Некоторые письма, Гарольд, застревают по дороге к адресату.

Она проверила натяжение.

— Посмотрим, можно ли ускорить доставку.

Глава вторая. Белый дом просыпается

В это же утро президент Арчибальд Бриггс изучал папку с итогами недели. За завтраком он разрешал себе две роскоши: свежий тост и красный карандаш, которым вычёркивал слова, не подходившие для официального отчёта. На столе стояли часы, показывавшие время до следующего совещания. Они были подарком аппарата и никогда не спешили.

Бриггс сравнивал две фотографии после открытия нового моста. На первой лента была перерезана не совсем посередине; на второй он держал ножницы прямо, но смотрел в сторону. Он не мог решить, какой недостаток серьёзнее.

— Вторую, — сказал Бриггс. — На первой ножницы висят криво.

Личный помощник Бенджамин Кларк передвинул фотографию в стопку «утверждено».

— И попросите кадрировать флаг так, чтобы древко не выходило за край.

— Сэр, флаг тогда окажется наполовину за кадром.

— Зато ровно. Люди замечают, когда в государстве что-нибудь висит криво.

Бриггс перелистнул страницу.

— Здесь написано «значительный экономический успех». Кто согласовал слово «значительный»?

— Пресс-служба.

— Попросите автора дать определение.

— Определение успеха?

— Определение значительности. И пусть приложит таблицу. Без таблицы это просто настроение.

Бриггс подчёркнул ещё одну строчку, где слово «граждане» заменили словом «аудитория».

— И верните «граждане». Они ведь не покупали билет на мой доклад.

В этот момент в столовую вошёл глава аппарата Белого дома Ричард Боуэн.

Боуэн обычно стучал. Сегодня он вошёл без стука, и президент сперва посмотрел на дверь, а уже потом на его лицо.

— Господин президент, у нас чрезвычайная ситуация.

Бриггс закрыл папку аккуратно, совместив её углы с краем стола.

— Китай?

— Нет, сэр.

— Россия?

— Нет.

— Иран?

— Нет, господин президент.

— Тогда что может быть чрезвычайного?

Боуэн сделал глубокий вдох.

— Статуя Свободы ожила.

Бриггс медленно поднял глаза.

— Какой именно? — спросил он после паузы.

— В Нью-Йорке, — уточнил Боуэн. — На острове. Та, что с факелом.

Президент отложил карандаш. По тому, как быстро Боуэн говорил, было ясно: это не шутка пресс-службы.

— Сколько свидетелей?

Боуэн моргнул.

— Сэр?

— Я спрашиваю, сколько людей видели движение. Прежде чем принимать меры, надо отделить факты от шума.

— Несколько тысяч, господин президент. Она ходит.

Бриггс снял очки в тонкой оправе и положил их на папку.

— И разговаривает, — добавил Боуэн.

— С кем?

— И, кроме того, вооружена.

— Чем?

— Рогаткой.

Президент придвинул чистый лист и написал вверху: «Памятник. Поведение. Возможный ущерб».

Несколько секунд в комнате было тихо.

— Повторите.

— Она построила гигантскую рогатку.

— Зачем?

— Пока неизвестно.

— Насколько гигантскую?

— По предварительным оценкам, сэр, её высота составляет около тридцати метров.

Бриггс пододвинул к себе чистый лист.

— Тридцать метров, — повторил он и вписал число в первую графу.

— А разрешение на установку?

Боуэн попытался продолжить:

— Она уже произвела пробный запуск.

— Чего?

— Пустого экскурсионного автобуса.

Президент медленно опустил вилку.

— Куда?

— В океан.

— А пассажиры?

— К счастью, автобус был пуст.

— Значит, пассажиров не было. Это хорошо.

— Вопрос об автобусе всё равно придётся решать, — добавил Бриггс.

Боуэн не стал напоминать, что автобус был пустой и теперь плавает в гавани.

Бриггс потянулся за красным карандашом.

— Составьте короткое сообщение: «Администрация выясняет обстоятельства и просит сохранять спокойствие». Никаких предположений о намерениях статуи.

— Даже если она обратится к вам лично?

— Особенно тогда. Личное обращение — не основание отменять правила.

Телефон Боуэна завибрировал.

Он посмотрел на экран, побледнел и молча протянул его президенту.

На экране шла прямая трансляция из Нью-Йорка.

Статуя Свободы склонилась над служебным катером Береговой охраны. Рядом с ней раскачивалась огромная рогатка.

— Передайте вашему президенту, — говорила она, — что мне надо с ним встретиться.

— С какой целью? — спросил офицер через мегафон.

— Личной.

— Вы можете уточнить?

— Могу. Но не хочу.

— Нам нужны гарантии безопасности!

Статуя наклонилась ещё ниже.

— Сто сорок лет держала факел и не подожгла город. Мне кажется, это убедительнее большинства рекомендательных писем.

Бриггс досмотрел до конца, машинально выровнял край папки и выключил трансляцию.

— Она хочет встретиться со мной?

— Да, сэр.

Президент расправил плечи.

— Это неожиданно.

— Простите?

— Мне обычно назначают встречи за неделю, — сказал Бриггс. — Даже собственный стоматолог.

Боуэн осторожно сел.

— Господин президент, мы не знаем её намерений.

— Я знаю.

— Откуда?

— Подготовьте переговорную группу и маршрут эвакуации.

— Но…

— И встречу внесите в расписание. Если переговоры не состоятся, хотя бы запись останется.

Боуэн посмотрел на идеально выровненные бумаги президента: иногда этот порядок начинал внушать ему почти религиозное уважение.

— Подготовьте вертолёт, — сказал Бриггс.

— Сэр, службы безопасности категорически против.

— Тогда пусть они летят со мной.

— Это может быть опасно.

Президент встал, застегнул пиджак и на секунду задержался, проверяя, лежит ли красный карандаш на своём месте.

— Ричард, больше всего меня тревожит то, что она действует без согласования.

— Да, сэр.

— Фотографов тоже предупредите. И пусть не снимают меня с нижней точки.

* * *

Через десять минут в кабинете Боуэна собрались представители пяти ведомств. Каждое заранее объяснило, почему командовать операцией должно другое.

На экране висел неподвижный кадр.

Статуя Свободы держала рогатку.

Под фотографией располагалась надпись:

«Объект LS-1886. Уровень угрозы: неизвестен». Никто не решился написать просто «Статуя Свободы».

— Предлагаю установить периметр, — сказал генерал Мэддокс.

— Мы уже установили, — ответил представитель Береговой охраны.

— Расширить.

— До каких размеров?

— Максимально возможных.

— Манхэттен тоже эвакуировать?

Генерал задумался.

— Давайте пока не будем.

Представитель Министерства культуры поднял руку.

— Прежде всего нам необходимо определить правовой статус объекта.

— Какого объекта? — спросил генерал.

— Статуи.

— Она государственная собственность.

— Но она разговаривает.

— И что?

— Если она разумна, возникает вопрос о её правах.

Генерал посмотрел на него.

— Какие ещё права? Это памятник.

— Памятник, который разговаривает.

— Это не делает его гражданином!

— А если она подаст заявление?

За столом повисла тишина.

— На гражданство? — уточнил Боуэн.

— Например.

— Она уже сто сорок лет здесь живёт, — заметил кто-то из присутствующих.

— В деле нет документов о въезде, — сообщил юрист, не поднимая глаз от планшета.

Все повернулись к нему.

Он развёл руками.

— Я просто констатирую.

Генерал Мэддокс постучал по столу.

— Господа, у нас сорокашестиметровая женщина с рогаткой. Может, её въездную визу обсудим после обеда?

— Вообще-то она прибыла из Франции, — напомнил представитель Министерства культуры.

— Хватит, — оборвал их Боуэн. — Президент вылетает через двадцать минут. Если вы закончите с визой, давайте решим, как обеспечить ему безопасность.

В дверях появился молодой аналитик с планшетом.

— Господа, у нас новая проблема.

Боуэн посмотрел на него усталыми глазами.

— Какая ещё?

— Статуя начала читать письма.

— Какие письма?

— От граждан.

— И что?

— Вслух.

Аналитик включил запись.

На экране Статуя Свободы сидела на краю постамента. В её ладони лежал огромный ворох конвертов.

— «Дорогая Свобода, мне семьдесят восемь. За отопление заплатила. Теперь до пенсии надо дожить без лекарств…»

В комнате стало тихо.

— Откуда у неё эти письма? — спросил Боуэн.

— Часть приносили посетители, часть поступала почтой. В архиве есть записи, — ответил аналитик.

— Зачем?

Аналитик пожал плечами.

— Люди иногда пишут Санта-Клаусу. Видимо, некоторые решили, что у Свободы шансов помочь больше.

Генерал Мэддокс нахмурился.

— И давно это продолжается?

— Судя по всему, десятилетиями.

На экране статуя аккуратно сложила письмо.

— «Я оставила номер телефона. Позвоните, если кто-то дочитает письмо».

Она подняла лицо к камерам.

— Интересно, сколько у вас таких номеров, — сказала статуя, — и сколько людей ещё ждут звонка?

Глава третья. Письма, которые никто не читал

В небольшом доме на окраине Вашингтона Марта Уильямс выключила телевизор и поставила чайник. Марта отметила семьдесят третий день рождения и незаметно для себя продолжала писать в анкетах «семьдесят два». Муж умер шесть лет назад. Дочь жила в Огайо, сын — в Аризоне. Внуки звонили по воскресеньям; если забывали, Марта сама набирала в понедельник и уверяла, что не заметила разницы.

Дом был небольшой: две спальни, кухня, гостиная и веранда с рассохшейся доской. На заднем дворе росли помидоры, розы и яблоня. Посреди газона всё ещё стоял надувной бассейн после летнего приезда внуков. Марта собиралась убрать его ещё в сентябре. Но всё откладывала.

На бортике ещё виднелась синяя наклейка в виде дельфина. Внуки спорили из-за неё всё лето; Марта до сих пор не могла вспомнить, кому она принадлежала.

Чайник закипел.

Марта достала жестяную коробку из-под печенья. Под фотографиями и старыми открытками лежала копия её письма президенту, а рядом — ответ на гербовой бумаге.

Она отправила его три месяца назад.

Никаких чудес она не просила. Просто написала о том, что происходило вокруг и почему всё труднее делать вид, будто это мелочи.

О том, как сорок лет проработала школьным библиотекарем. Как её муж Том ремонтировал электрические сети после ураганов. Как они всегда старались жить по средствам и никому ничего не были должны.

Она писала о выросших ценах на лекарства, о закрывшейся автобусной остановке, о соседке, которая перестала обращаться к врачу, потому что слишком дорого.

И о том, как люди, которых она знала всю жизнь, перестали разговаривать друг с другом. Не из-за денег или личных обид — из-за политиков, с которыми никто из них не сидел за одним столом.

Последнюю страницу она переписала дважды. Сначала получилось слишком сердито, потом — так вежливо, что из письма исчезла вся причина его писать.

Ответ пришёл через две недели.

Письмо было напечатано на плотной бумаге с государственным гербом.

«Уважаемая госпожа Уильямс! Благодарим вас за обращение. Ваше мнение представляет для нас большую ценность…»

Дальше следовали пять абзацев о важности гражданского участия, заботе о пожилых людях и приоритетах администрации.

Про закрытую остановку там не было ни слова.

Марта прочитала письмо три раза. Потом положила в жестяную коробку.

И решила больше не писать.

Но в тот же вечер увидела по телевизору выступление президента, который в очередной раз произнёс, что прекрасно знает, чего хотят обычные американцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.